

Кирюшкина Е. И.

Основные направления оптимизации уголовной ответственности в сфере защиты сотрудника органов внутренних дел

Kiryushkina E. I. The Main Directions of Optimization of Criminal Liability in the Field of Protection of Internal Affairs Officers

В статье рассмотрены с современных позиций наиболее сложные и востребованные практикой вопросы, связанные с совершенствованием конструкции статей 317–319 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Констатируется, что действующее законодательство в исследуемой сфере общественных отношений нуждается в дальнейшем совершенствовании. Автором предложены меры по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: преступление, жизнь, здоровье, честь, достоинство сотрудников органов внутренних дел, квалификация, угроза применения насилия, оскорбление, клевета.

The article deals with the most complex and important issues in demand in practice, related to the improvement of the design of art. art. 317-319 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is stated that the current legislation in the considered sphere of the public relations needs further improvement. Author's suggestions for improvement of the existing penal legislation are made.

Keywords: crime, life, health, honor, dignity of employees of internal affairs bodies, qualifications, threat of violence, insult, slander.

Преступления против жизни, здоровья, чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 317–319 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), являются одним из старейших структурно обособленных в уголовном законе общественно опасных деяний. Несмотря на достаточность защиты жизни, здоровья, чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел указанными выше нормами, некоторые конструкции данных составов преступлений требуют законодательного совершенствования.

Относительно конструирования нормы, предусмотренной ст. 317 УК РФ, представляется, что ее формулировка правильна и не требует изменений. Наказание в санкции ст. 317 УК РФ, предусматривая пожизненное лишение свободы и смертную казнь, позволяет учесть повышенную опасность данного деяния [1, с. 10]. По этой же причине, с учетом наличия в данной статье максимально возможной в уголовном законе РФ санкции, считаем необоснованными предложения ряда авторов о дополнении этого состава квалифицирующими признаками, аналогичными признакам, содержащимся в ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Например, А. В. Кузьмин полагает, что «отсутствие квалифицирующих признаков необоснованно “уравнивает” ответственность за деяния, порой существенно различающиеся по степени общественной опасности, направленные на лише-

Кирюшкина Екатерина Игоревна — адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

© Кирюшкина Е. И., 2021

ние жизни сотрудника правоохранительного органа. При этом нивелируется принцип справедливости и соразмерности уголовной ответственности и наказания» [2, с. 162–163]. В связи с этим он предлагает дополнить состав преступления, предусмотренный ст. 317 УК РФ, квалифицирующими признаками. Однако указанный исследователь не пишет о том, как в таком случае поступить в отношении санкции данной статьи. Если учесть, что санкция в ст. 317 УК РФ максимальна, то увеличить ее с учетом квалифицирующих признаков невозможно. Либо придется уменьшать наказание для предполагаемой А. В. Кузьминым ч. 1 ст. 317 УК РФ, что противоречит его предложению об усилении правовой защиты сотрудников органов внутренних дел. По нашему мнению, наличие этой санкции дает возможность правоприменителю при выборе наказания учесть различную степень общественной опасности совершаемых в обществе и квалифицируемых по данной статье преступлений.

Следует отметить, что для правильной квалификации исследуемого состава преступления важное значение имеет установление его субъективной стороны. Известно, что состав ст. 317 УК РФ по конструкции объективной стороны относится к так называемым усеченным составам. В уголовно-правовой литературе и среди практиков общепризнанным положением считается то, что преступление с усеченной конструкцией может совершаться лишь с прямым умыслом. Соответственно, действия виновного, совершенные с косвенным умыслом, не должны квалифицироваться по ст. 317 УК РФ.

Вместе с тем в судебной практике встречаются редкие случаи, квалифицируемые при отсутствии виновного прямого умысла на причинение смерти сотрудникам полиции как посягательство. Например, приговором Санкт-Петербургского городского суда от 22 марта 2018 г. Л. осужден по ст. 317 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к восьми годам лишения свободы [3]. Л. был совершен выстрел из охотничьего ружья в закрытую, обитую железом дверь, за которой находились сотрудники полиции. Три дробины из множества выпущенных из ружья пробили железную дверь и причинили легкий вред здоровью одному из сотрудников полиции. Через закрытую дверь, обитую железом, виновный не мог видеть, где именно находятся сотрудники полиции и не знал достоверно, что дробь из его охотничьего ружья пробьет обитую железом дверь. При таких обстоятельствах положение о том, что виновный действовал с прямым умыслом с целью причинения смерти сотрудникам полиции, вызывает сомнения. Действия Л., совершенные с косвенным умыслом, следовало квалифицировать исходя из наступивших последствий. Тем не менее апелляционным определением Верховного Суда РФ приговор оставлен в силе [4].

Наибольшую трудность при квалификации вызывает оценка угрозы применения насилия при совершении преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ. Преступные действия виновного могут быть выражены и в реально примененном насилии, и в угрозе его применения, так называемом психическом насилии. Возникает вопрос о том, какова степень насилия, которым угрожает виновный, для квалификации по ч. 1 ст. 318 УК РФ. Полагаем, диспозиция ч. 1 ст. 318 УК РФ охватывает угрозу не только причинением вреда здоровью любой тяжести, но и угрозу убийством. Считаем, что угроза насилием, опасным для жизни, существенно повышает общественную опасность анализируемого преступления и убеждены в том, что угроза убийством должна быть предусмотрена ч. 2 ст. 318 УК РФ при следующей ее формулировке в законе: «Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, а также угроза убийством в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи».

Между тем в судебно-следственной практике нередко возникают сложности при разграничении насилия в отношении представителей власти и сопротивления либо неповиновения им же, предусмотренного ст. 19.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Это нередко проявляется в активных действиях виновных лиц: например, сбрасывании фуражки потерпевшего с головы, толкании сотрудника, попытке вырваться при задержании, хватании за форменное обмундирование, попытке сорвать погоны, нагрудный знак.

Речь в этих ситуациях идет и о физическом воздействии на указанных лиц, но не связанных с физическим насилием в отношении потерпевшего. В таких ситуациях данные действия необходимо различать по степени интенсивности и характеру. Согласно ст. 19.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях «под неповиновением следует понимать отказ от выполнения законного распоряжения или требования сотрудника полиции, военнослужащего либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей» [5]. Некоторые ученые предлагают ввести понятие «активное сопротивление» в диспозицию ч. 1 ст. 318 УК РФ. В частности, И. Е. Сулейманова предлагает сформулировать ч. 1 ст. 318 следующим образом: «1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия в отношении представителя власти или его близких, либо активное сопротивление представителю власти в связи с исполнением им должностных обязанностей» [6]. Убеждены в том, что недопустимо подобное расширительное толкование уголовного закона, при котором подвергаются криминализации нормы административного права и допускается неоправданно широкое судебское усмотрение.

Ряд ученых в разное время высказывали мнение о том, что угроза в понимании ст. 318 УК РФ должна охватывать и угрозу повреждения или уничтожения имущества потерпевших, указанных в данной норме [7, с. 13–14]. Это предложение поддерживает В. Ю. Ларин. Однако он закономерно указывает на возникающую в связи с этим следующую проблему правопонимания: поскольку реальное уничтожение или повреждение имущества Е. В. Смоляков не предлагает предусмотреть в специальные нормы УК РФ, посвященные посягательствам на порядок управления, то ответственность за такие действия виновного должна наступать с учетом общей нормы, предусматривающей уничтожение либо повреждение имущества (ст. 167 УК РФ). Но в этом случае угроза в отношении имущества представителя власти будет наказываться выше, чем как таковое уничтожение либо повреждение имущества потерпевшего. Е. В. Смоляков обращает внимание на то, что именно такая ситуация наблюдается в ч. 2 ст. 296 УК РФ, санкция которой строже санкции ч. 1 ст. 167 УК РФ. Поэтому, чтобы не допустить нарушения принципа законности и справедливости, необходимо предусмотреть в ст. 318 УК РФ ответственность не только за угрозу уничтожения или повреждения имущества представителя власти или его близких, но и за реальное уничтожение или повреждение имущества указанных лиц [8].

При проведении нами опроса сотрудников правоохранительных органов 91 % из 150 опрошенных респондентов (сотрудников полиции) высказали точку зрения за внесение в диспозицию ст. 318 УК РФ ответственности за уничтожение или повреждение имущества сотрудников правоохранительных органов либо их близких, а также за угрозу уничтожения либо повреждения такового. Считаем, что

приведенная точка зрения заслуживает внимания, поскольку уничтожение или повреждение имущества потерпевших по мотивам, указанным в ст. 318 УК РФ, приводит к повышенной общественной опасности совершенного виновным деяния, что должно, в свою очередь, повлечь повышенную ответственность и наказание, выраженное в санкции специальной нормы.

Так, А. В. Кладков полагает, что «обязательными признаками состава альтернативно являются либо цель — воспрепятствовать законной деятельности представителя власти, либо мотив мести за нее. Этот вывод вытекает из того, что насилие или угроза его применения совершаются в связи с выполнением представителем власти своих должностных обязанностей» [9; 10].

А. П. Кузнецов считает, что «поскольку законодатель обуславливает насилие в отношении представителя власти исполнением им своих служебных обязанностей, это указывает на обязательность мотива и цели преступления (изменить или прекратить законную деятельность, отомстить за ее осуществление и т. п.)» [11, с. 988]. По мнению И. Е. Сулеймановой, «цель и мотив не являются конструктивными элементами состава преступления. Основным элементом субъективной стороны является прямой умысел. При этом умыслом виновного охватывается то, что насилие в отношении представителя власти или его близких применяется в связи с исполнением должностным лицом его служебных обязанностей» [12, с. 56]. С учетом приведенных выше точек зрения в диспозицию ст. 318 УК РФ необходимо включить цель и мотив, как в ст. 317 УК РФ. Итак, ст. 318 УК РФ должна быть сформулирована следующим образом:

«1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия, а также угроза уничтожением либо повреждением имущества в отношении представителя власти или его близких с целью воспрепятствования законной деятельности представителя власти либо из мести за такую деятельность — наказывается...

2. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия, а также уничтожение либо повреждение имущества в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи, совершенного по тем же мотивам или с той же целью, — ...

Примечание. Представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается сотрудник правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости».

При анализе ст. 319 УК РФ мы исходили из того, что общего понятия оскорбления в настоящей редакции УК РФ не содержится. Ранее действующая ст. 130 УК РФ «Оскорбление» предусматривала описательную диспозицию и определяла оскорбление как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Полагаем, при отсутствии общей нормы данное определение следует вернуть в УК РФ, предусмотрев его в примечании к ст. 297 УК РФ, где впервые употребляется в УК РФ этот термин, повторив его толкование из декриминализированной ст. 130 УК РФ: «Под оскорблением в настоящей статье и других статьях УК РФ понимается унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме».

Исходя из того, что современные средства связи способны мгновенно большому количеству лиц распространить сведения, выраженные в неприличной форме, корреспондируемые и в адрес представителей власти, данный способ оскорбления обладает повышенной общественной опасностью и требует особой

оценки законодателя. 83 % из 150 опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов согласились с данным предложением. С нашей точки зрения, этот способ оскорбления следует предусмотреть в ч. 2 ст. 319 УК РФ, которую сформулировать следующим образом: «Те же действия, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”), наказываются...».

Оценивая повышенную защиту чести и достоинства представителей власти, считаем, что представителей власти необходимо защитить и от иной формы унижения чести и достоинства — клеветы. Под клеветой в УК РФ (ст. 128-1) понимается распространение заведомо ложных сведений. Нередко представители власти становятся объектами распространения вымышленных, ложных измышлений, порочащих их честь и достоинство, связанных с профессиональной деятельностью. Это может быть ложное обвинение во взяточничестве, ложные сведения о злоупотреблении либо превышении должностных полномочий, сведения о личной и семейной жизни представителя органа власти, распространенные из мести за его законную деятельность.

Дискуссия в юридической науке относительно этого вопроса ведется давно. Так, А. В. Кузнецов еще в 1961 г. отмечал, что «оскорбление представителя власти наносится не только в целях унижения потерпевшего, а также с целью подрыва престижа и авторитета государственной власти. При клевете же оценка предполагает еще и создание ложного, несправедливого мнения о потерпевшем со стороны других людей» [13, с. 134]. В пользу этого решения говорит введение в УК РФ в 2012 г. ст. 298.1 «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава». Остается неясной позиция законодателя, не предусмотревшего аналогичной специальной нормы в отношении представителей государственной власти и управления.

При опросе сотрудников правоохранительных органов 94 % респондентов согласны с указанным нововведением. Косвенно такое решение поддерживается и в судебной практике, когда в приговорах по ст. 319 УК РФ судьи, описывая то или иное преступление, говорят о подрыве профессионального либо служебного авторитета сотрудника правоохранительных органов.

В связи с изложенным полагаем необходимым ввести подобную специальную норму и в гл. 32 УК РФ:

«Статья 319¹. Клевета в отношении представителя власти.

1. Клевета в отношении представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей — ...

2. Те же действия, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”), наказываются...».

Завершая анализ составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за посягательства на жизнь, здоровье, честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел, необходимо отметить, что с учетом возникающих в правоприменительной практике вопросов и в целях единообразного применения уголовного закона на территории России необходимо официальное толкование уголовного закона в части правоприменения данной группы норм в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Это привело бы к оптимизации единообразного понимания уголовного закона правоприменительными органами, а также сыграло бы роль превентивного фактора по отношению к совершению рассмотренных нами преступлений.

Литература

1. Антонов Ю. И. О необходимости сравнения санкций ст. 318 и статей гл. 16 УК РФ в случае применения насилия в отношении представителя власти // Уголовное право. 2014. № 5. С. 10–13.
2. Кузьмин А. В. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2015. 226 с.
3. Уголовное дело № 2-29/2018 (2-53/2017) // Архив Санкт-Петербургского городского суда.
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 июля 2018 г. № 78-АПУ18-14 [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19072018-n-78-apu18-14/> (дата обращения: 26.07.2021).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
6. Сулейманова И. Е. Применение насилия в отношении представителя власти: проблемы квалификации и правоприменительной практики // Российский судья. 2017. № 4. С. 30–32.
7. Смоляков Е. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 182 с.
8. Ларин В. Ю. К вопросу об уголовной ответственности за посягательства в отношении сотрудников органов внутренних дел // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 92–100.
9. Уголовное право РФ. Особенная часть: учеб. / под ред. Б. В. Здравомыслова. М.: Юрист, 2001. 550 с.
10. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. И. Рарога. М.: Проспект, 2012. 722 с.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1080 с.
12. Сулейманова И. Е. Насильственные преступления против представителей власти в сфере порядка управления: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2015. 204 с.
13. Кузнецов А. В. Объект преступления и его значение для решения некоторых вопросов ответственности за оскорбление и клевету // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук. 1961. Вып. 13. С. 120–146.

Контактные данные:

Кирюшкина Е. И.: 198206, Санкт-Петербург, Летчика Пилютова ул., д. 1;
e-mail: Kategrashchenko@mail.ru.

Contact Details:

Kiryushkina E. I.: 1 Letchika Pilyutova Str., St. Petersburg 198206, Russia;
e-mail: Kategrashchenko@mail.ru.